

поэзии, что хорошо заметно на примере его иллюстраций к «Комосу». Первый цикл рисунков по мотивам маски был создан Блейком в начале 1800-х гг.; через несколько лет Блейк вернулся к этому произведению, но его трактовка проблематики «Комоса» существенно изменилась, что отразилось в сюжетах, стилистике и образной системе иллюстраций: ‘In his two considerations of *Comus*, Blake first confronted the allegory and then affirmed the underlying verity of Milton’s myth, the level of the poem, in Blake’s view, its authentic vision’ [4, с. 22]. Это переосмысление отразилось в расстановке акцентов, в атмосфере всего цикла рисунков, но больше всего – в трактовке образов Леди и Комоса, чье противостояние по-разному трактуется у Милтона и у Блейка. Сопоставление двух серий блейковских иллюстраций к «Комосу» с первоисточником помогает не только лучше понять эволюцию мировоззрения и творческого метода художника, но и раскрывает оригинальный замысел маски в более широком идеальном и эстетическом контексте, обогащает варианты ее прочтения и интерпретации.

Библиографический список

1. Milton, John. *Comus. Lycidas / The English Poems of John Milton*; ed. by Laurence Lerner. – Hertfordshire: Wordsworth Poetry Library, 2004. – 602 p.
2. Милтон, Джон. Комос / Джон Милтон: «Потерянный рай», «Возвращенный рай» и другие поэтические произведения. – М.: Наука, 2006. – С. 511–542.
3. Горбунов, А. Н. Поэзия Джона Милтона (От пасторали к эпопее) / Джон Милтон: «Потерянный рай», «Возвращенный рай» и другие поэтические произведения. – М.: Наука, 2006. – С. 582–648.
4. Werner, Bette Charlene. *Blake’s Vision of the Poetry of Milton. Illustrations to Six Poems*. – Lewisburg, Bucknell University Press, 1986. – 319 P.

Решетова Анна Анатольевна

докт. филол. наук, доцент (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, г. Рязань, Россия)

Лапшинова Екатерина Владимировна

коисследатель (Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина, г. Рязань, Россия)

«РУССКАЯ САФО» ПУШКИНСКОЙ ЭПОХИ: О ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕПУТАЦИИ И АВТОРСКОЙ СТРАТЕГИИ А. П. БУНИНОЙ

С именем А. П. Буниной связана прономинация «русская Сафо», закрепившаяся за поэтессой в начале XIX в. и отразившая противоречивое восприятие ее творчества и неоднозначность литературной репутации в профессиональном сообществе Пушкинской эпохи. Вопросы женского литературного творчества и «женского мира» на переломном этапе русской культуры связаны с определенной авторской стратегией Буниной, названной первой русской профессиональной поэтессой, и с влиянием двух писательских объединений: «Беседы любителей русского слова» и «Арзамасского общества безвестных людей» – на ее литературную репутацию, с одной стороны, и эволюцию прономинации «русская Сафо», с другой.

Ключевые слова: А.П. Бунина; «русская Сафо»; пушкинская эпоха; профессиональная поэтесса.

В русской литературе начала XIX в. поэтесса А. П. Бунина (1774–1829) получила признание как «русская Сафо», причем до выхода в свет ее дебютного сборника

«Неопытная муз» (1809) со знаменитыми «Стансами. Подражание Лесбосской стихотворице». На протяжении всего творческого пути за Буниной будет следовать эта прономинация, определившая ее литературную репутацию, хотя она весьма отдаленно отражала особенности творчества самой русской поэтессы, далекого от тональности поэзии «сладкоулыбающейся» гречанки и ее последовательниц и не отличавшегося избыточной душевной экспрессией и любовным пылом. Это отмечали и современники Буниной, в должной степени признавая и по-разному оценивая ее склонность к позднеклассицистическим тенденциям, утратившим актуальность в Пушкинскую эпоху. Но сентиментально-предромантические тенденции конца XVIII в. и романтические – начала следующего столетия практически не затронули ее ранние стихи, а сама она охотно переводила трактат классициста Н. Буало «Поэтическое искусство».

Стихи легендарной Сафо вольном переложении появились в России в первой половине XVIII в., впервые русских поэтесс сравнил с ней журналист и издатель Н. И. Новиков: «В России Сафо есть, и Сафо не одна», отразив, скорее, сложившееся в литературной среде того времени одновременно доброжелательное и снисходительное отношение к этому новому явлению культурной жизни России – женскому «стихотворчеству». Критики и литераторы, с симпатией воспринимавшие его, устойчивую прономинацию «русская Сафо» связали именно с именем Буниной. Первым – писатель-сентименталист П. И. Шаликов, который наряду с А. С. Шишковым, главой литературного общества «Беседа любителей русского слова», активно поддерживал поэтессу в ее художественных начинаниях и в будущем предрекал славу («о Сафо наших дней!»; «Будь Сафою другой!» – звучало в ее адрес). Поддержали устойчивость репутационной прономинации поэтессы и другие литераторы: В. С. Раевский («Я вижу Бунину, и Сафо наших дней / Я вижу в ней»), А. С. Шишков («Достопочтенная наша Сафо Петровна...»), М. В. Милонов, призывавший сочинительницу следовать за славными поэтами прошлого и, в свою очередь, прокладывать дорогу будущим литературным «наследницам». По сути, подобные отзывы выражали, прежде всего, личную симпатию автору и ее художественно-эстетическим и ценностным ориентирам, способствуя утверждению репутации Буниной как первой поэтессы с большим дарованием и творческим будущим, прежде всего, в области женского чтения. В определенной степени это было и стремлением поддержать творчество «граций-россиянок», вдохновить их на активное участие в литературной жизни.

В дальнейшем комплиментарная формула «русская Сафо» превратилась в некий штамп и начала вызывать ироническую реакцию со стороны представителей в основном романтического круга и литературного сообщества «Арзамас», использовалась и в сатирических произведениях, направленных против Буниной. Репутация же поэтессы трансформировалась: занимая для части аудитории первое место в ряду женщин-литераторов, для другой (например, К. Н. Батюшкова, А. С. Пушкина) – она была, прежде всего, почетным членом архаичной «Беседы», подлежащей осмеянию вместе с другими защитниками ее традиций («Клянусь Фебом и Шишковым, что вы имеете дарование»). Бунину начали почитать жертвой литературного воспитания и влияния Шишкова и его окружения, признавая при этом ценность ее «женского» творчества, несколько ограниченного тематическим репертуаром и лишенного «предмета философического», достойно оценивая при этом талант поэтессы, погубленный «беседчиками», но достойный воскрешения («С каким бы удовольствием дали мы ей почетное место в мирном Арзамасе»).

Сама поэтесса демонстрировала явную скромность и простоту восприятия в отношении и комплементарных оценок («нет истины в речах твоих, о автор льстивый»), и отзывов, иронически призывающих ее литературную репутацию, нередко воспринимая их как элемент «литературной игры», что более приличествовало статусу начинающего «поэта». Интерес к творчеству Буниной, воплощенный в наименовании ее «русской Сафы» и противоречиво изменяющийся вместе с эволюцией прономинации, питали разные литераторы, но прежде всего те, чьи взгляды на словесность претерпевали сложные изменения и творчество воплощало проявления разных литературных направлений (позднего классицизма, сентиментализма, романтизма) и влияние двух писательских объединений: «Беседы любителей русского слова» и «Арзамаса». На авторский статус «первой русской поэтессы» и степень объективности оценки Буниной в немалой степени влияло отношение к «женскому миру» и литературному творчеству на переломном этапе русской культуры, критическое восприятие прав женщины, особенно ее права на труд в интеллектуальной и творческой сфере, преобладавшие не только в ряду ее современников, но и у последующих поколений вплоть до конца столетия.

Самойлова Елена Павловна

*канд. филол. наук, доцент (Российский государственный педагогический университет, г. Санкт-Петербург, Россия)
elpavsmojlova@gmail.com*

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИГРА «БЛОХА»: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ МЕТАТЕКСТА

В статье представлена история театральной и интермедиальной интерпретации рассказа «Сказа о тульском косом левше и стальной блохе» Н. С. Лескова «Сказ о тульском косом левше и стальной блохе».

Ключевые слова: Н. С. Лесков; «Блоха»; Е. И. Замятин; театр; метатекст.

В 1924 году Евгению Ивановичу Замятину поступило предложение написать текст для постановки на сцене МХАТ-2 «Сказа о тульском косом левше и стальной блохе» Н. С. Лескова (1881). Именно в этом произведении молодой режиссер Алексей Дикий увидел материал, который соответствовал новым тенденциям послереволюционной страны: патриотизм, гордость за русского героя из среды мастеровых, трагическая гибель из-за пренебрежения людьми низкого происхождения. Видение писателя и режиссера будущего спектакля кардинально разнелись: Дикий хотел показать на сцене трагедию недооцененного гения, а Замятин видел возможность воплотить исконное – игровое – начало народного балагана. Именно игра, заложенная на нескольких уровнях претекста – сказа Лескова «Левша» – становится главным составляющим театральной постановки: такое жанровое определение получает пьеса (игра «Блоха»); Замятин не просто создает сценический текст, а пересматривает, переосмысливает сказ Лескова, расставляет новые акценты; театральная труппа репетировала спектакль без окончательного текста, постоянно внося изменения; режиссер требовал от актеров импровизации, свободы, раскрепощения, готовность взаимодействовать с залом. На сцене воплощалась игра с разоблачением игры. Более того, именно готовность включиться в творческий процесс создания «Блохи», в соответствии